

Он обречен на бессмертие

ПЕТР ВАЙЛЬ, писатель (из Праги по телефону):

- Можно сказать, что со смертью Бродского закончилась временная эпоха и началось безвременье. Бродский каким-то образом структурировал время, был его стержнем. Хотя он и возражал против назначения одного поэта - поэтом эпохи (он был против даже "эпохи Пушкина", вспоминая Вячеславского, Баратынского, Катенина, которых ставил не ниже Пушкина), но мне было понятно, что в последние три десятка лет никого нельзя было поставить с ним рядом.

Теперь его нет, и это ужасно, потому что он умер в колоссальном расцвете сил. Я могу об этом судить, потому что мы часто перезванивались, он читал свои новые стихи, а в последнее время он поставил факс и посылал их факсом...

Он был уникальным поэтом. Если составить график его творческого развития, это будет идеально ровная прямая, направленная вверх. И то, что он больше "не производит текстов", если можно так выразиться, на долгое время собьет наш литературный процесс. Не литературу как сборище неких текстов, а именно развитие литературного процесса.

Думаю, что его человеческая (не поэтическая) судьба была в последнее время благосклонна к нему и он нашел душевное успокоение.

Я сблизился с Иосифом в последние три года. Его старые друзья и знакомые, его петербургские друзья вспоминают, что в те времена он был нетерпим, дерзок, мог обижать людей. Но я знал другого человека - очень мягкого, доброжелательного. Конечно, его брак с Марией был необыкновенно счастливым браком, его дочь Анна, Ньюша, которой сейчас два с половиной года, которую он обожал и от которой получил свою порцию счастья, - все это, безусловно, имело свое значение. Но было и другое - он стал человеком мудрым. И это не влияние лет - что-то я не видел, чтобы люди с годами становились мудрее...

Для него двуязычная среда - была естественной. Он, говоря об этом, вспоминал Россию девятнадцатого века. Важны для него были две страны - Италия и Соединенные Штаты. В Россию он не приезжал не из-за обиды, он говорил о том, что не мог бы приехать и уехать - это не подходит. Если приехать, то нужно снова делить ее судьбу и оставлять. А это было достаточно трудно сделать, поскольку этому уже препятствовали его жизненные обстоятельства. Если бы он приехал, его ждала бы бурная встреча и большое волнение. Он не мог этого не опасаться, у него был не один инфаркт. Но это всего лишь моя догадка, может быть, основанная на каких-то его словах, но догадка...

ТАТЬЯНА БЕК, поэт:

- Я считаю, что это был величайший поэт нынешнего дня. С его уходом происходит "конец прекрасной эпохи". Зная, что на земном шаре живет Бродский, было легче и значительнее жить и было стыдно писать плохо.

В прошлом году в Нью-Йорке я ходила на вечер Бродского. Меня поразило его несовпадение с залом. Ответы на вопросы зрителей были трагичны, а люди невольно смеялись... Несколько раз он даже сказал: "По моему, я не говорю ничего смешного". Но были и хорошие, настоящие вопросы, например, не губителен ли для поэта разрыв с языковой средой. На это он ответил, что именно в эмиграции он остался тет-а-тет с языком... В Вене, в первый день эмиграции, его охватила паника, когда он не смог найти рифму к какому-то слову, но на второй день рифма нашлась, барьер был преодолен. Еще он упомянул о том, что преподавание - это редкая возможность говорить на темы, которые его волнуют. Очевидно, ему не хватало все же русской литературной среды, общения. На вопрос, почему он не хочет вернуться на родину и тем самым повторить судьбу Цветаевой и Солженицына, он ответил, что не хотел бы повторить судьбу Цветаевой, а Солженицын ему не так близок, чтобы мечтать повторить его судьбу. И что его жизнь - это его жизнь, а не жизнь литературных традиций.

Подготовила Лариса ВИННИК

Один из последних снимков И. Бродского сделан Сергеем Берменевым 27 декабря 1995 года в Нью-Йорке.

В Нью-Йорке скончался один из крупнейших поэтов современности - Иосиф Бродский. Его изгнали из СССР в 1972 г., после чего его имя на долгие годы окутала пелена молчания. Ее не приподняло даже присуждение Бродскому Нобелевской премии по литературе за 1987 г.

В редакции "Аргументов и фактов" помнят, как цензура приостановила тираж нашей газеты из-за материала о его награждении, а главный редактор получил в ЦК очередной "втык" за "политическую близорукость".

О жизни и творчестве Иосифа Бродского, о последних годах его жизни рассказывают материалы, подготовленные в Москве и Нью-Йорке.

- в Мичиганском университете и последние 15 лет - в Массачусетском женском колледже Маунт-Холиоук, который он считал своим академическим "домом". Его эссе печатались в самых престижных журналах Америки, таких, как "Нью-Йоркер", "Нью-Йорк ревью оф букс", "Атлантик" и "Нью рипаблик". Бродский писал их по-английски, а потом они часто переводились на русский его другом профессором Дартмутского колледжа Львом Лосевым. Другой частью его деятельности были выступления. По словам Лосева, Бродский в среднем раз в месяц выступал где-то с поэтическими чтениями или лекциями.

Несколько сотен тысяч долларов принесли поэту в 1981 г. так называемая "премия гениев" Макарура и в 1987 г. - Нобелевская премия, однако последняя была в тот год не так уж велика в связи с временным падением курса нобелевских акций. К тому же с Бродского взыскали огромный налог, которого он не ожидал, и, как говорят его друзья, долго потом находился в сложных отношениях с американским налоговым управлением.

На английском было издано пять поэтических сборников и два томика эссе поэта. Последний - "О горе и разуме" - напечатан всего месяц назад. Но больших доходов они не принесли. К тому же Бродский не был экономен

Последние дни Иосифа Бродского

ОН СКОНЧАЛСЯ в ночь с субботы на воскресенье в кабинете своей двухэтажной кооперативной квартиры в нью-йоркском районе Бруклин-Хайтс. Бродский давно и прочно занял место на вершине американского поэтического Олимпа, удостоившись всех мыслимых почестей и наград, в том числе в 1991 г. звания "поэта-лауреата" Америки, которое до него носили Роберт Пенн Уоррен, Ричард Уилбур, Ховард Немеров и Марк Стрэнд.

Но в Америке за счет стихов не живут даже первые поэты страны, и Бродский, которому 24 мая исполнилось бы всего 56 лет, не составлял исключения. Он жил в основном за счет профессорской зарплаты. Бывший ленинградец, Бродский преподавал в 1973-1974 гг. в нью-йоркском Квинс-колледже, в 1974-1980 гг.

и, как замечает его друг писатель Юз Алешковский, живущий в Коннектикуте, "не купался в деньгах", хотя купил два года назад кооператив в Бруклин-Хайтс, где жил с молодой женой Марией (наполовину итальянкой и наполовину - по матери - русской дворянкой) и крохотной дочкой Анной-Александрой, и ездил в последнее время на "БМВ" 3-й серии (правда, подержанном и регулярно ловавшемся).

ПОСЛЕДНИЕ годы Бродский был совладельцем (вместе с танцовщиком Михаилом Барышниковым) манхэттенского ресторана "Русский самовар". Не соблюдая диет (как замечает его старый друг Каплан, не из-за жажды смерти, а скорее по бесшабашности), Бродский любил взять в "Самоваре" холодец, пельмени, сациви и гуся, то есть блюда, решительно не рекомендуемые сердечникам.

Бродский, выглядевший старше своих лет, давно страдал болезнью сердца и перенес два инфаркта, притом второй - прямо на столе во время операции. Эта операция с пересадкой сосудов сильно помогла: "После этого - здоров как бык, весел, женился, ребенка родил, - говорит Алешковский, но добавляет. - Все равно сердце-то, мотор, обветшало... Ухудшение началось два с половиной - три года назад: жаба, усталость, тяжело дышать. Я ему говорю: сделай операцию, раньше сядешь, раньше выйдешь..."

Бродский, однако, боялся операции. "Случай был уж очень серьезный, - говорит Каплан. - Все сосуды плохие". Между тем поэт продолжал курить. "Он курил, приводя в ужас своих врачей, - говорит Алешковский. - Я ему: побойсь, побойсь... Он говорит: я уже до восьми штук спустился, до семи... Он был такой курильщик..."

Бродский был не прочь выпить, хотя "никогда не бывал пьяным, один из редких людей, кто умел пить", говорит Каплан. Поэт предпочитал виски "Бушмилл" и самоварскую водку, настоянную на кинзе; на прошлый Новый год Каплан подарил ему фляжку этой настойки.

ПО СЛОВАМ Алешковского, у Бродского давно нашли стенокардию, а на той неделе он поведал писателю, что у него и ишемия. Лариса Каплан сообщает, что недавно поэт наконец дал согласие на операцию и ему уже подыскивали "специальных врачей", поскольку случай был очень нелегкий.

"Вчера с ним было все в порядке, - сказал мне Алешковский в воскресенье. - Сегодня мы ждали его в гости. Вчера он был веселый такой, даже эйфоричный". В субботу вечером у Бродского были гости. В час ночи Мария пошла спать, а он направился к себе в кабинет. "Утром кто-то позвонил по телефону, - рассказывает Алешковский со слов Марии. - Она пошла его звать, он лежал у двери в кабинет мертвый".

Круг почитателей поэзии в США узок, но влиятелен; некролог Бродского начинается в "Нью-Йорк таймс" на первой полосе, что редкая в этой газете честь.

Владимир КОЗЛОВСКИЙ, Нью-Йорк